

Человек как слово: Сборник в честь Вардана Айрапетяна. М.: Языки славянской культуры, 2008, с. 67-74.

Левон Абрамян

О ПРОЕКТЕ ФИЛУРГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Одной из важных схем, емко характеризующих, можно сказать кодирующих, человеческую культуру, является триада «мысль, слово, дело»¹. Первым двум ее членам соответствуют философия – «любовь к мысли» и филология – «любовь к слову». Последнему члену в культурной триаде – делу, думается, тоже соответствует особая область знания – филургия, т.е. «любовь к делу». Наиболее близко к филургии стоит культурная/социальная антропология, именно та ее область, которая занимается ритуалом, значимым действием. Заметим, что филология и философия тоже занимаются прежде всего значимыми словами и мыслями. Даже новые направления в антропологии, изучающие зыбкую границу современности, поневоле обращаются к значимым, псевдозначимым или потенциально (в будущем) значимым делам. Филург опирается на своих предшественников в культурной триаде: на слова филолога и мысли философа. Однако в природной (исходной) триаде «дело, слово, мысль»² он порой остается на грани человеческого (культурного), ему не на кого оглянуться.

Определить сферу филургии поможет составление филургического словаря, который, по-видимому, будет иметь много общего с ритуальным словарем. Словарем не ритуалов, собранных из разных этнографических описаний, а простейших, элементарных ритуальных действий, составляющих любой ритуал. Показательно, что в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (судя по трем вышедшим томам) встречается немало статей с глагольными или отглагольными заголовками, отражающими ритуальные действия, например «крутить(ся), вертеть(ся)», «огораживать»,

¹ См. о триаде, в том числе о ее роли в этимологических изысканиях, в работах В.Н.Топорова: К этимологии слав. *myslʹ* // Этимология. М., 1963, с. 5-13, и др.

² Различение двух триад и название «филургия» предложил В. Айрапетян.

«осыпание», «пение», или с парными глагольно-именными заголовками, например «моча, мочиться».

Необходимость различения сложного ритуала и его более простых составляющих часто ощущается исследователем, пытающимся вводить иногда необоснованные терминологические разграничения, ср. различаемые порой в этом смысле «обряд» и «ритуал» в русской этнографической литературе. Я имею в виду еще более элементарные составляющие ритуала; это, конечно, не исключает того, что весь ритуал может иногда составлять одно ритуальное действие, например проведение охранного круга.

Объектом изучения филурга является *Homo agens* – человек делающий, в частности и по преимуществу *Homo ritualis* – человек ритуальный. Филург и антрополог часто сливаются в одну фигуру, подобно тому как «человек ритуальный» близок, а часто и тождествен «человеку делающему». Причем это человек, представляющий всех людей, в нем видны знакомые и привычные всем ритуальные действия, но могут проявиться и непривычные, присущие членам только одного затерянного в джунглях племени. Другими словами, филург призван изучать действия мирового человека³. Словарь в идеале должен показать, как его простейшие действия соотносятся друг с другом, как они, возможно, сочетаются в минимальные универсальные ритуалемы и образуют более сложные ритуалы. Но прежде филургу предстоит выяснить законы, по которым простейшие ритуальные действия трансформируются, как одно действие переходит или не переходит в другое, как затухает или притягивает другое – возможно, наподобие фонетических и семантических законов. Например, элементарное действие «перешагивать (через)», будучи отличным от действия «наступать (на)» (и даже в известном смысле противопоставленным ему), тем не менее в некоторых случаях близко к нему и часто функционально с ним отождествляется (дает те же последствия – обычно дурные). Однако когда перешагивает женщина, момент перешагивания получает дополнительное значение из-за могильных/порождающих свойств лона, оказывающегося на д перешагиваемым объектом (русск. *накрыться*, арм. способы лечения от бесплодия и др.); к последнему действию в этом смысле приближается женский акт мочеиспускания, ведущий к вредности мочи (необязательно женской), и

³ Ср. о мировом человеке: *В. Айрапетян*. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М., 2001 (по указателю).

т.п. Так элементарные действия выстраиваются в цепочку, группируются в пучки, порождают неожиданные родственные группы.

Элементарные действия могут сближаться по принципу близости самих действий, места их осуществления и по их результату. Так, близость по месту в приведенном выше примере определяется допустимой ритуальной близостью двух действий, уточняемых предлогами «через» и «на», т.е. определением максимальных границ локуса элементарного действия. Оба предлога предполагают другой предлог – «над» и соответственно другой пучок ритуальных действий, сближаемых по принципу наложения двух локусов по вертикали. Так появляется целый класс причин (способов причинения) *коха* (кох), болезни, которой особенно подвержены новорожденные в период своего сорокодневья (сороковин): причиняющие *кох* агенты сознательно/неосознанно располагаются на д жертвой *коха* – например, змея в клюве пролетающей над ребенком птицы, отец, случайно оказавшийся на кровле дома, где пребывает его сын в сороковинах, или же женщина, поднявшаяся на кровлю с недоброй целью. В иконографии вертикальное распределение персонажей кодирует их роли в нарративе – например, Христос изображается над связанным в узел вишавом/драконом (с соответствующей надписью, использующей слово *koxeal* 'попрал')⁴, птица располагается на вершине мирового дерева, в корнях которого изображен змей (победитель и побежденный, «подвергнувшийся *коху*»), разводятся по вертикали деревом), и т.п.⁵ Арм. *koxel*, которое восходит к первичному значению 'наступать (на)', в свою очередь порождает целый класс значений с разными оттенками этого наступательного действия – от 'придавливать' до 'совать', 'вонзать' (в том числе в эротическом смысле) и 'спереть' (украсть). Можно сказать, что предлоги очерчивают примерное поле элементарных действий. Однако показательно, что и в случаях, когда элементарное действие притягивает (или порождает) другое сходное действие (необязательно определяемое глаголом с предлогом – например, арм. *koxel* в смысле 'ввергать в кох'), последнее тоже действует в определенном пространственном локусе, которое, однако, может не связываться прямо с локусом первого действия.

⁴ В сцене Крещения из васпураканского Евангелия XIII в. (Матенадаран, рук. 6303, л. 66).

⁵ Эти и другие случаи *коха*, в частности, приводимые в настоящей статье, см. в Л.Абрамян. Беседы у дерева. М., 2005, § 150-155 (с литературой вопроса).

Как уже было сказано, связь между элементарными действиями определяется особыми законами, без знания которых невозможно составление филологического словаря. Рассмотрим один такой закон, который можно назвать законом соответствия вещи и места. Этот закон отражает очевидное правило, с которым мы постоянно встречаемся в нашем повседневном опыте и который требует, чтобы каждой вещи соответствовало одно-единственное место. Это тривиальное правило, как можно легко показать, управляет целым классом поверий, представлений и ритуалов самого разного колибра. Следствием этого правила является другое: «Две вещи не могут занимать одного места». Как можно видеть из формулировки, это второе правило имеет дело с хорошо знакомым явлением соперничества за место в жизни, однако этот наш старый (и неистребимый) знакомый играет ключевую роль и в менее очевидных сферах, внося коррективы в известные истины.

Вернемся к арм. *koxel*, причем из богатого набора вариантов этого магического действия (часто неосознанного) остановимся на том, которое причиняет отец новорожденному сыну, если войдет в комнату, где сын выжидает окончания своих сороковин. В таких случаях, чтобы избежать *коха*, мать тут же берет ребенка на руки⁶. Поскольку мать ребенка тоже соблюдает сороковины – «сороковины постели», она этим способом демонстрирует, что у нее теперь новая половина в целом, где место сына занимал прежде муж (двухсоставное целое муж-жена подтверждается множеством фольклорных и этнографических данных). Если духи и прочие недоброжелатели просто вредят ребенку вследствие своей чужести, отец фактически становится его соперником. Это, так сказать, изначальный комплекс Эдипа, в его дофрейдовом проявлении: сын⁷ ищет в матери не сексуального партнера, а утраченное единство, в котором он пребывал еще совсем недавно в ее утробе. Отец и сын борются за одно и то же место при жене-матери, потому что, согласно рассматриваемому закону, две вещи не могут занимать одно место⁸.

⁶ Бенсэ. Буланых, или провинция Харк // *Azagrakan handes* [Этнографический журнал]. Кн. 5, 1899, N 1, с. 177 (на арм. яз.).

⁷ Ребенок в армянской традиции воспринимается прежде всего как мальчик.

⁸ О нарушении этого закона близнецами, вступающими в борьбу за разницу во времени, см. *Л.Абрамян. Беседы у дерева*, § 157.

Избежать *коха* от вошедшего в комнату отца можно еще одним способом. Мать с ребенком на руках выходит и вновь заходит в комнату⁹. Анализ сходных обрядов позволяет толковать этот способ как попытку «стереть» опасное настоящее и начать все сначала¹⁰ – в надежде на лучшее будущее. В данном случае создается ближайшее прошлое, отсекается незначительный отрезок времени. Мать с ребенком возвращаются в ближайший момент, когда целостность этой пары была обеспечена. Здесь вовсе не обязательно, чтобы воссоздаваемый момент был исторически пережитым, он конструируется как идеальное состояние, гарантирующее максимальную безопасность – неудивительно, что изображение матери с ребенком стало устойчивым иконографическим образом в разных культурах. Этот способ избегания *коха* интересен нам особенно потому, что мы имеем дело с минимальным (элементарным) возвратом в прошлое, моделируемое как идеальное – ср. периодический возврат в мифологическое блаженное прошлое во время праздника в архаических культурах. Возврат в конкретное «благословенное» время нередко применяется и в политике¹¹.

Словарь в идеале должен представить все филургическое поле, в котором определяется описываемое действие: кто его совершает, с кем, с чем, и т.п. Можно ожидать, что тем самым обнаружатся пока что пустые варианты (ячейки), которые найдут свои соответствия в пространстве и времени – например, «обмениваться одеждой» может найти неожиданные развития при составлении полного набора ответов на вопрос «с кем?».

Задуманный филургический словарь по многим признакам похож на этимологический словарь, но в отличие от него часто начинает с того, что этимолог призван выявить. Часто, но не обязательно: филург не стоит всегда в начале пути, ему доступны и природный и культурный порядки триады с составляющими «мысль», «слово» и «дело».

Можно ожидать, что в филургическом словаре больше места, чем в современных этимологических словарях, найдет нечто соответствующее народной этимологии. Антропологам, изучающим современную обрядность, хорошо известно, что ритуалы, особенно наиболее затребованные, например

⁹ Из полевых материалов Астхик Израелян, любезно предоставленных автору.

¹⁰ См. *Л.Абрамян*. Беседы у дерева, § 150, 152.

¹¹ Подробнее см. *Л.Абрамян*. Борьба за место и время: от *коха* до государственных ритуалов // Знание и символ, поверье и обычай. Ер., 2006, с. 39 (на арм. яз.).

похороны или свадьба, постоянно обрастают неожиданными подробностями именно из области «народной этимологии», и не потому только, что ритуалы относятся к числу наиболее быстро и легко заимствуемых реалий человеческой культуры (ср. обрастание современной армянской свадьбы деталями из телесериальной свадебной обрядности), но и потому, что филургические реалии могут возникать из народных толкований («этимологий») – филург пользуется не только природным порядком дело – слово – мысль, но и культурным мысль – слово – дело, причем с большей открытостью к «народной этимологии».

Привлечение новых ритуальных экспертов разного толка, например в свадьбе, не ограничивает «народную этимологию», а как раз служит ее росту¹². Правда, в других случаях, например при популярном нынче привлечении священнослужителей к церемониалу похорон, «новые» эксперты (особенно молодые священники) ведут открытую войну именно с «народной этимологией» обряда, сознательно или бессознательно повторяя некогда проводимую борьбу нововведенного христианства против язычества, сегодня – против народного христианства. Итак, филург должен быть готов к «поверхностной» «народной этимологии», тем более что именно простое и очевидное легче всего заимствуется и внедряется, особенно в сфере делания. Впрочем, не исключается, что филург именно здесь может обнаружить далеко не поверхностные реалии в сфере элементарных действий. Подобно тому, как в лингвистической этимологии «народная» этимология хотя с научной точки зрения нередко и уводит не в ту сторону, она «нередко же и позволяет озарениям интуиции прийти к самому сильному решению, которого не замечали, полагая, что такого, слишком очевидного, быть не может»¹³.

В филургическом словаре могут найти место и реалии, так или иначе связанные с элементарными ритуалами, прямо или косвенно являющиеся их следствием (ср. «моча, мочиться»). С этим связана другая специфика словаря: в нем найдут место определенные архетипы, которые будут иметь такое же отношение к архетипам в смысле Юнга, как элементарные ритуальные действия – к ритуалам. Ср. *Symbolarium* (Словарь символов), задуманный П.Флоренским

¹² См. *Г.Шагоян*. Оператор как новый персонаж армянской свадьбы // Этнографическое обозрение. 1999, № 2, с. 46-55.

¹³ *Т.Я.Елизаренкова, В.Н.Топоров*. Др.-инд. *vedi*-: глубинный смысл и этимология. Ритуальные истоки комплекса «знание–рождение» // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М.Дьяконова. СПб., 2002, с. 88.

и А.Ларионовым, ориентированный прежде всего на «простейшие» символы: были подготовлены лишь Предисловие и статья «Точка»¹⁴.

В заключение приведем модель словарной статьи на примере распространенного действия очерчивания окружности.

ОЧЕРЧИВАТЬ ОКРУЖНОСТЬ, КРУГ. Ритуальное действие, призванное **1.** 1) оградить, охранить находящееся внутри круга от воздействия извне. Человек о.о. вокруг себя в опасном месте, в опасное время, во время опасного занятия (путник, роженица, маг и т.п.). О.о. вокруг дома, села, города, горы (национального символа), страны (см. **опахивать, огораживать, танцевать (круговой танец)**). Кто, как, чем о.о. Круг в основании дома, храма, поселения. Окружность как важная активная часть круга (круговой танец) и как часть внешней, опасной зоны (приговор во время рус. девичьих гаданий на святки: «Бог – в кругу, бес – по-за кругу» (Слав. древн. 3, с.12); см. **кружиться, граница**). Солидарность как побочный продукт образования круга (круговой танец, праздник на круглой площади (Abrahamian. Archaic Ritual and Theater)). 2) Оградить, охранить находящееся вне круга от находящегося внутри круга. Кто, как, чем, с какой целью. Примеры: каббалистическая практика вызывания духов в магический круг, кромлехи (защита от мертвецов). **2.** 1) Воздействие окружности на центр круга: «Воры сонного рукою мертвеца (мертвою рукою) обводят, на мертвый сон» (Даль. Посл., с.937); движение слева направо – «по солнцу» и справа налево – «против солнца» (Слав. древн. 3, с.11). 2) Радиальное воздействие центра на окружность. На этом свойстве основаны все **обхождения** вокруг святынь, контекстуально символических объектов («При муках роженицы обводят ее трижды вокруг стола...») (Даль. Посл., с.378). 3) Корреляция взаимовлияния центр – окружность: обратное направление сербского поминального хороводного «танца для мертвых» (Слав. древн. 3, с.11). **3.** Создание особого пространства, через которое осуществляется связь с иным миром (прорыв в иной мир) (см. также **1.2**), началом времен, будущим, индивидуальным временем. Примеры: воссоздание Времени Сновидения (см.

¹⁴ *Е.А.Некрасова.* Неосуществленный замысел 1920-х годов создания «Symbolarium'a» (Словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1982. Л-д. 1984, с. 99-115. В 2002 г. Вяч.Вс. Иванов предложил проект реализации этого замысла – полное собрание всех универсальных символов, использующихся в разных культурных традициях (*Вяч.Вс.Иванов.* Symbolarium: Предложения с словарю символов // Антропология культуры. Вып. 1. М., 2002, с. 32-38).

сновидение) на церемониальной площадке (австрал.); нагая повивальная бабка с новорожденным обходит вокруг бани (против детского крика) (Даль. Посл., с.404) – воссоздание момента рождения, новое рождение; трижды обегают обнаженным вокруг своего дома (с целью забыть что-либо; узнать о судьбе домашних) (закарпат.) (Слав. древн. 3, с.11) (см. также **обнажаться**) и др.

Круг. Восходит к кругу лица матери – первому запечатлению у ребенка в возрасте 3-4 месяцев. В 3-4 года, после экспериментирования с хаотическими линиями и фигурами, ребенок вновь открывает для себя лицо матери – рисует первый круг (Моррис. Гол. об., с.133-134, 145). По другому мнению (В.Айрапетян) восходит к кругу груди матери* – первый круг ребенка оказывается связанным с его первым инстинктивным действием – сосанием материнской груди. Таким образом, *regessus ad faciem* и *regessus ad mammmum* вместо классического *regessus ad uterum*** . Тем не менее первый круг может восходить к материнской утробе через воспоминание о первой, «круглой», позе*** зародыша, ср. также вульву в виде круга с вертикальным диаметром в эротических графических фантазиях маленьких мальчиков.

Abrahamian. *Archaic Ritual and Theater – L.A.Abrahamian. Archaic Ritual and Theater: From the Ceremonial Glade to the Theater Square // Soviet Anthropology & Archeology. Fall 1990, Vol. 29, No 2, p. 45-69.*

Даль. Посл. – Пословицы русского народа. Сборник В.Даля. М., 1957.

Моррис. Гол. об. – *Д.Моррис. Голая обезьяна.* СПб., 2001.

Слав. древн. – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т.3. М., 2004.

* Утыкаясь даже в неправильный круг груди или вовсе далекую от круга грудь палеолитических венер, ребенок уплощает вокруг лица неясно очерченный круг.

** *Regressus ad mammmum* и *ad uterum* прообразуют архетип охранного круга (изначальное нахождение в его безопасном пространстве), тогда как *regessus ad faciem* предполагает особый механизм перенесения себя в круг.

*** В данном случае начальная поза не предполагает предыдущего действия – поза как результат предшествующих действий. Другими словами, последующие подражания позе зародыша (например, в похоронной обрядности)

не опираются на предыдущие действия. Однако утробную позу имеет смысл рассматривать как некое доначальное действие («до-дело»), прообразующее последующие. Ср. мандельштамовское «Быть может, прежде губ уже родился шепот, | И в бездревесности кружились листья, | И те, кому мы посвящаем опыт, | До опыта приобрели черты.» В случае с позой зародыша мы находимся в том упомянутом выше состоянии филурга, который стоит в начале человеческого (культурного) опыта и берет из предшествующего природного состояния в культуру не просто дочеловеческое элементарное действие (типа почесывания головы), а априорно принимаемое природное состояние («до-дело»). В область изучения филургии входит также «после-дело» – отказ от дела, недеяние¹⁵.

¹⁵ См. *Л.Абрамян. Беседы у дерева*, § 76; о других делах и действиях см. по указателю, под *делать* и *дело*.